

Евдокия ЖАКОВА¹

ЛЕНИНГРАДСКАЯ СИМФОНИЯ

В 1922 году, 9-го августа отмечается 80 лет со дня исполнения знаменитой Седьмой симфонии Д.Д. Шостаковича в осаждённом блокадном Ленинграде. Событие знаменательное, событие знаковое. Оно вошло в историю как подвиг музыкантов, как восемьдесят минут Победы во время страшной войны, как торжество жизни над смертью. Событие, полное драматизма и в то же время пронизанное Светом всепобеждающей Музыки.

Для нашей семьи это событие не просто историческое. Семья моей мамы была слушателями этого концерта, и она, именно та девочка, которая подносила букет дирижёру Карлу Ильичу Элиасбергу 9-го августа 1942 года. Спустя почти тридцать лет, её разыскали следопыты музея под руководством Е.А. Линда «А музы не молчали» по записке от семьи, вложенной в огромный букет, которую бережно хранил Карл Ильич. С тех пор мама участвовала во всех встречах музыкантов, и оркестранты, пережившие то время, считали её членом своей ячейки. Со многими мама дружила, и переписывалась и почти на каждую встречу брала меня с собой. И необыкновенную атмосферу, особый аромат душевности, дружбы, память нравственного подвига и чего-то неизречённого, того, что объединяет и роднит разных людей, я сохранила на всю свою жизнь. И вот, в преддверии юбилея исполнения симфонии, я с трепетом и благоговением открыла мамину папку с материалами этого события. Программка концерта 1942 года, билеты на последний концерт в ноябре перед страшной зимой, фотографии встреч, газетные и журнальные статьи и многое другое. К сожалению, чем дальше уходит история от этих дней, тем

1. **Жакова Евдокия Львовна** (литературный псевдоним – Ева Ветберг) родилась в Ленинграде, закончила отделение книговедения и библиографии Лен. гос. института киноинженеров и Музыкальное училище им. М.П. Мусоргского по классу фортепиано. Закончила ЛГИК, отделение книговедения и библиографии, образование высшее. (1985) Музыкальное училище им. М.П. Мусоргского фортепианное отделение (1980г). Работала учителем литературы, редактором в Бан и др. Публикуется в журналах «Семья и школа», «Нева», Газетах «Север», «Северный край» и др. Живёт в Ярославле.

больше искажения фактов. От этого я всегда вздрагиваю, как от фальшивой ноты. И сегодня хочу поделиться наследием моей матери, Жаковой Л.В., её записями в дневнике во время блокады и своими воспоминаниями о встречах с исполнителями Ленинградской симфонии.

БЛОКАДА

Моя мать Любовь Вадимовна пережила блокаду вместе со своей тётёй, заменившей ей мать, бабушкой и дедом. Прадед, З.Г Френкель, известный учёный, геронтолог, академик, имел дом на окраине Ленинграда, что во многом спасало семью. Был кипятик и относительное тепло в доме. На начало войны маме было 18 лет, она работала в госпитале, и часто они с тётёй оставались в городской квартире на площади Искусств, а позднее были там всё время.

Два небольших отступления. Мама, окончила школу с золотой медалью и успела поступить в Академию Художеств в класс К.Р. Эберлинга. Училась до эвакуации академии. Она часто нам, детям, рассказывала, как бежала на занятия через мост лейтенанта Шмидта (Благовещенский) и по нарастающему звуку снаряда, выпущенного в Пушкине, угадывала, успеет ли перебежать мост. И второе, о чём хочется сказать. Во время блокады, разрухи и голода мой прадед З.Г. Френкель (я хорошо его помню) писал монографию «Продление жизни и активная старость».

Из воспоминаний моей матери: *«Перед обедом бабушка раскладывала каждому по тонкому кусочку хлеба, а иногда и по лепёшке из месетки, а мы на это время старательно отворачивались или расходились, чтобы не подвергать себя мукам желания. После обеда есть хотелось особенно мучительно и сильно... Седьмого ноября весь день с утра мы просидели здесь. Дедушка читал. Мы с мамой с наслаждением слушали музыку, которая была тогда так прекрасна! Её передавали обычно после вечерних известий, а за ней следовал обычный час налётов, включалась сирена, и скоро уже было слышно, как первая партия самолётов пролетает над нами к городу. С 9-го ноября хлеба стало по 250 грамм рабочим и 125 служащим и иждивенцам. А мы 9-го ноября ещё слушали в Филармонии последний симфонический концерт. Девятую симфонию Бетховена! Под непрерывный грохот разрывавшихся вокруг снарядов...».*

Я беру в руки два сохранившихся билета так бережно, словно они тоже голодали и помнят бомбёжки, а бумага их стала тонкой и почти прозрачной от истощения. Концерт 9-го ноября 1941

года. Концерт единственного на то время сохранившегося оркестра Радиокомитета.

Запись в дневнике: *«Был объявлен по радио артиллерийский обстрел района, но концерт не прерывался. В огромном зале со странно пустыми стенами, где были сняты красные бархатные портьеры, с закрытым белым полотном местом, где был орган (его убрали, сберегая от бомбёжек), при двух только тёмных люстрах, в которых горело всего по три лампочки и были сняты все хрустали, – в этом зале сидела горсточка, человек тридцать, тощих, бледных с опухающей, прозрачной под глазами кожей на лице, интеллигентов. Многие оркестранты были в военной форме. И, то, что весь оркестр казался меньше, и то, что вместо фраков на музыкантах были свитера, шарфы под пиджаками, что бедный Карл Ильич при паузах клал палочку и растирал озябнувшие руки, а скрипки дули на руки, и то, что зал был пуст, – всё это создавало ещё большую... торжественность».*

Последний концерт оркестра радиокомитета в Филармонии был 14 декабря 1941 года. Исполнялась музыка Чайковского. После этого наступила трагическая пауза. В декабре жизнь в Ленинграде будто замерла. Для того, чтобы мы сегодня могли оценить значимость и значительность исполнения Седьмой симфонии в августе 1942 года, необходимо представить себе самую страшную, безнадежную первую зиму. Смерть волнами уносит людей. Чёрные пропасти разрушенных домов. Город обстреливается из дальнобойных орудий, бомбится с воздуха. Страшнее бомбёжек и обстрелов – голод и обречённость. Люди не разговаривали на улицах, лишь знаками, чтоб не терять последние силы. Ходили медленно, если были силы, то поднимали упавшего человека и шли дальше, также молча. К Неве шли за водой с детскими лейками, бидончиками, маленькими кувшинами, но ведра поднять никто не мог. Трамваи шли там, где был расчищен от заносов путь и где снаряды не сорвали провода. Выходили на работу те вагоновожатые, которые были в силах, выбирали маршрут, проявляя выдумку и находчивость, и ездили столько, сколько могли. Но вот и эти заплутавшие трамваи остановились навсегда. Никто не мог уже расчистить пути от снега. Воронки от снарядов, оборванные провода. *«От мороза и холода негде скрыться. Давно разбит водопровод. Мы с тётёй отбиваем лёд в ванне, и кусочком льда “умываемся” и идём на работу. Нормы выдачи уменьшались и уменьшались, начались обстрелы города из дальнобойных орудий, изматывали постоянные воздушные тревоги».*

В нашем доме хранится зеркало. Оно всё в мелких выбоинах от осколков. Пережив уже три поколения, мы его по-прежнему называем «блокадное зеркало».

С конца декабря единственный, оставшийся в городе оркестр Радиокомитета прекратил работу. Оркестр таял. Некоторые ушли в армию, другие умерли от голода. *«Трудно забыть мне серые зимние рассветы, – писала спустя три десятилетия Ольга Берггольц, – когда совершенно уже свинцово отёкший Яша Бабушкин (художественный руководитель Ленинградского радиовещания) диктовал донесение о состоянии оркестра. Он диктовал отчуждённым, внутренне отчаянным голосом: “Первая скрипка умирает, барабан умер по дороге на работу, валторна при смерти...”»*.

Такой смертельной зима была только зима 1941–42 года. Кто пережил этот год, умирали, погибали от обстрелов, но, уже надеялись на жизнь. С марта 1942 г. нормы выдачи хлеба увеличились, по Дороге Жизни везли помощь осаждённому Ленинграду. С потеплением городу угрожала опасность эпидемий от трупов и нечистот. На расчистку улиц вышли все, кто оставался жив. Кто опирался на палочку, у кого распухшая нога завёрнута в кусок одеяла, даже валенок не надевался.... Не все могли удержать в руках лопату, но каждый старался делать то, что мог.

Как красуется сегодня вечный огонь и мемориал на Серафимовском и Пискаревском кладбищах! *«А в то время мы грузили трупы на грузовики и ставили фанерку с надписью, с каких улиц, из каких домов и квартир умершие»*.

КОНЦЕРТ

Быстро стал чистым и до странности прежним город... Три дня по радио повторялось каждые два часа: «Всем музыкантам оркестра явиться на регистрацию». Не все остались в живых, а многие были на фронте. Иные так ослабели, что не могли поднять свой инструмент, духовые не имели сил дуть в трубы и валторны. Но все брели к Дому радио. К.И. Элиасберга привезли на саночках. Пересчитали погибших и начали работать...

Почему концерт в осаждённом Ленинграде, вошёл в историю как подвиг оркестра? Свою 7-ю симфонию Д.Д. Шостакович начал писать в самые первые дни войны и посвятил родному Ленинграду. Все без исключения в то время имели свои боевые посты. Как только завывала сирена, Дмитрий Дмитриевич оставлял рояль и взбирался на крышу консерватории на свой пост бойца МПВО. Прерывая работу, он каждый раз ставил на листках рукописи знак

«ВТ» – воздушная тревога. Рукопись партитуры Седьмой, хранящаяся в музее, вся испещрена этими пометками. Уже заканчивая сочинение, Шостакович был эвакуирован в г. Куйбышев (Самара).

Отсюда и прозвучало впервые пятого марта 1942 г. это монументальное произведение. Так начался путь симфонии. Двадцать девятого (29) марта – симфония была исполнена в Москве в Колонном зале, 22-го июня в Лондоне, (дирижировал Генри Вуд), 19-го июля в США, Нью-Йорк. Именно здесь великий Артуро Тосканини воскликнул: «Какой дьявол может победить народ, способный творить такую музыку!».

Никто не знает, кому явилась такая дерзкая мысль: исполнить Седьмую симфонию в блокадном Ленинграде. Может быть, несколькими музыкантам сразу, может, сама идея витала в воздухе. Не случайно в историю она навсегда войдёт как Ленинградская симфония. Военный самолёт при особой охране через линию фронта доставил в осаждённый город партитуру Седьмой симфонии Шостаковича. Увидев партитуру, Элиасберг помрачнел: где взять столько музыкантов? Автор ввёл в оркестр дополнительные духовые, состав должен быть почти удвоен. На помощь пришло командование Ленинградского фронта. Составили список недостающих инструментов. Карл Ильич запрашивал вместо четырёх – шесть валторн, вместо трёх необходимых – пять труб. На всякий случай. Каждый день мог кто-то быть ранен или убит.

Начались репетиции. В музее «А музы не молчали...» хранятся пропуска откомандированных с фронта музыкантов для хождения по городу в любое время: «Откомандирован для исполнения седьмой симфонии». Откомандированные с фронта, для пополнения оркестра, приходили на репетицию и возвращались на своё боевое место. Карлу Ильичу был выдан горисполкомом велосипед и пропуск, разрешающий передвигаться по обстреливаемым районам города. И прежде всего музыкантам был выписан временный дополнительный паёк хлеба....

И вот на 9-е августа назначена премьера. По городу развешены афиши, о концерте передают по радио. *«Когда мы узнали, что после страшной зимы в замёрзшем, пустом, обстреливаемом городе в Филармонии будет концерт, симфония, посвящённая Ленинграду и его подвигу, – это был особый подъём духа. Мы знали, чувствовали уже тогда, что этому концерту придаётся особое значение. Из города, который весь мир считает умершим, прозвучит победная симфония»* (из воспоминаний Л.В. Жаковой). Как можно объяснить силу духа, которая помогла выжить?

«Для нашей семьи этот день тоже был знаменательным, – дядя, военный лётчик получил командировку всего на сутки и прилетел в блокированный город. Мы сфотографировались и пошли всей семьёй в Филармонию. Это был особенный, незабываемый концерт. В зале ленинградцы, выстоявшие зиму, рабочие заводов, военврачи, девушки полка ПВО, солдаты зенитных батарей, стоявших в скверах и парках, балтийские матросы. Присутствует

Исполнение 7-ой симфонии. Дирижер – Карл Элиасберг. Ленинград, 1942 год

весь Горком, перед началом вошёл генерал Говоров и представители генералитета. Вот, слева от нас, поправляет волосы поэтесса Ольга Берггольц».

Писатель Юрий Алянский писал об этом дне: «Многие женщины впервые надели лёгкие платья». Эти слова надо понять. В то время женщины платьев не носили. Ходили в военной форме, в комбинезонах, рабочих куртках, ватниках, в платках. Надеть платье было необычно! Это был вызов войне! *«Именно с таким чувством я достала, – пишет Люба, – своё лучшее, красивое голубое платье, сшитое к выпускному школьному балу – я не знала, что и другие тоже наденут платья.... Только пришлось его ушить, обузить вдвое».*

Ленинградцы знали, что идёт трансляция по радио на весь мир этого концерта. Слушают на фронте, близкие и родственники на Большой Земле, слушает страна и слушает мир. Город жив! Жив, вопреки всему, вопреки смерти и нечеловеческим условиям. Станным, как казалось тогда, девятого августа, что ни разу

не было артобстрела. Только спустя много лет все участники концерта узнали, что «счастливая случайность» была подготовлена командованием Ленинградским фронтом по секретному приказу из Смольного. В музее «А музы не молчали» есть «сетка огня», переданная участником операции командиром 14 гвардейского артиллерийского полка Николаем Петровичем Витте. Артиллеристы 14-го гвардейского полка 42-й армии вызвали огонь на себя. Все восемьдесят минут, пока звучала симфония, в городе стояла тишина. Операция «Шквал» была выполнена успешно. «Оркестр наш состоял из многих тяжёлых дальнобойных орудий полков, выделенных для контрбатарейной борьбы, – рассказывал полковник В.С. Гордеев на одной из встреч с музыкантами. – Басовую группу нашего оркестра представляли орудия главного калибра морской артиллерии. Были подавлены все огневые точки противника на время исполнения симфонии...»

«... А когда разошлись по квартирам люди,
Полны высоких и гордых чувств,
Бойцы опустили стволы орудий,
Защитив от обстрела площадь Искусств...»

Это строчки из стихотворения поэта Николая Савкова, стоявшего в тот вечер у орудия. Восемьдесят минут не было выстрелов, восемьдесят минут Победы...

«... Дедушка сам сложил большой букет. Мы жили в Лесном, на окраине и, хотя каждый клочок был под огородом, прекрасный цветник деда был не тронут. Этот букет мы с тётёй принесли в город ночью в ведре с водой. Когда смолк последний аккорд симфонии, и воцарилась полная тишина, я поднесла дирижёру букет цветов. Тётя написала карандашом записку: “С признательностью за сохранение и исполнение симфонической музыки в осаждённом Ленинграде. Семья Шнитниковых”».

Цветы во время блокады! Это было как вызов, как знак самой жизни, которая продолжалась, в которой звучала музыка, как символ духа и стойкости. Карл Ильич хранил эту записку. И через тридцать лет передал её музею. Вспоминает Е.А. Линд, основатель музея «А музы не молчали...»: «Помню, как Карл Ильич, убедившись в серьёзности намерений наших “музейщиков”, достал пожелтевшую от времени записку, которую он бережно хранил, и сказал: “Найдите, пожалуйста, эту девушку! Она вручила мне на премьеру Седьмой букет цветов вот с этой вложенной запиской. Представьте, август сорок второго года, каждый клочок земли под огородом – и вдруг!”». Так и разыскали Жакову Любовь Вадимовну

Мама долгие годы дружила с Семёном Аркадьевичем Аркиным, концертмейстером оркестра, первой скрипкой, ассистентом дирижёра. Он бывал у нас в доме, необыкновенно яркий, колоритный человек с неутомимой энергией и волей. Он любил свой инструмент так, словно скрипка была живой. На этих встречах мама, Жакова Л.В., познакомилась с Еленой Андреевной Будяковской¹, дочерью известного музыковеда А.Е. Будяковского, лектора филармонии в 1941 году. Знакомство переросло в удивительную дружбу на долгие годы. Наперекор смерти музыка в блокадном городе всё же звучала – играл ансамбль, в котором выступали Аркин, Пресер, Ясневский, Ананян, Сафонов. Эти замечательные встречи с оркестрантами, слушателями, с теми, кто во время концерта стоял на крыше и сбрасывал зажигалки, со всеми участниками исторического концерта, – эти встречи были овеяны необыкновенной теплотой, единением соучастия в чём-то трагичном и великом одновременно.

На сорокалетие дня снятия блокады приходила Вера Константиновна Петрова-Чарнецкая, солистка оркестра, её инструмент английский рожок. Вместе с Аркиным она оставалась на казарменном положении в Доме радио. Бойцы МПВО охраняли от пожаров территорию кварталов до Фонтанки, убирали трупы, следили за порядком. Когда по радио шло художественное чтение, Вера Константиновна возьмёт да и подыграет чтецу на своём рожке. Старые ленинградцы, теперь уж блокадные дети, помнят: звучащая со стены чёрная тарелка была единственной порою связью с миром в трагической тишине блокады.

Григорий Фёдорович Фесечко, вторая скрипка оркестра. Именно он рассказывал на одной из встреч детали суровой жизни музыкантов во время войны. В конце марта он пришёл по вызову в Управление по делам искусств; оно помещалось тогда в здании БДТ им. Горького. Оттуда, с Фонтанки пошёл с запиской дирижёру оркестра Карлу Ильичу Элиасбергу в гостиницу «Астория». Шёл пешком, хромя, кое-как поднялся на седьмой этаж. И вот Элиасберг рассматривает списки оркестра. «Почти все фамилии в списке были окаймлены чёрным или красным. Чёрным – 27 фамилий оркестрантов, умерших за минувшие месяцы, красным – большинство остальных, ещё живых, но не трудоспособных, находящихся в госпиталях и стационарах. И только шестнадцать (16!) человек оказались в какой-то мере пригодными для работы», – вспоминал К.И. Элиасберг.

1. Воспоминания о музыковеде А.Е. Будяковском опубликованы в журнале «На русских просторах №2(45) за 2021г.

Помню Ксению Маркиановну Матус – второй гобой. Студенткой Консерватории она дежурила на крыше, гасила зажигательные бомбы при первых фашистских бомбардировках Ленинграда, потом жила на казарменном положении. В помещении Кировского театра плела маскировочные сети. Она рассказывала: «Когда я пришла на первую репетицию оркестра, мне стало страшно. От прежнего состава оркестра осталась небольшая горстка людей – истощённых, почерневших от коптилок, одетых непонятно во что, какие-то все маленькие ростом. На себе не видишь.... И вот так называемый оркестр приступил к репетициям. ... Карл Ильич в то время находился в стационаре в гостинице “Астория”, и когда он вставал за пульт, до сих пор не могу понять, где он брал силы взмахнуть палочкой, а руки трепетали, как крылья у подстреленной птицы.... Это Чудо!!!». Да, выжить в тяжелейших условиях, прожить при хлебном пайке в 125 граммов – это мужество. Но, творить в этих условиях – это поражает ещё больше, поражает высотой духа! Хорошо помню Галину Фёдоровну Ершову, флейта. С ней мама переписывалась и дружила.

Самая особенная встреча была 9-го августа 1972 года. В первом ряду большого летнего Измайловского театра – ленинградцы, слушатели концерта сорок второго года. Старейший солист оркестра И.А. Ясинявский, (альт), потушивший когда-то самую первую бомбу на крыше радиокомитета, почётный донор СССР, сдававший кровь в блокадном Ленинграде, зажигает в большой чаше Вечный огонь Искусства... Выше и осветитель кинохроники, тот же, кто светил и на том концерте, тридцать лет назад. Худой, но бодрый и подтянутый старик работает осветителем уже пятьдесят лет. Аплодисменты. Присутствуют дети шведских корреспондентов, слушавших симфонию в августе сорок второго. Их отцы так много рассказывали о том концерте, что они пожелали приехать на торжество. Они прибыли в Ленинград по туристическим путёвкам. Их просят показаться залу и разыскивают где-то на галёрке. И вот, моя мама также, как и тридцать лет назад подносит букет дирижёру. *«Оттого ли, что были мы все тогда истощёнными, – вспоминала Л.В. Жакова, – я всем запомнилась меньше своих лет, а мне было девятнадцать. Когда я сходила со сцены в зал, я попала будто в мешок. Меня просто задушили объятия ленинградцев, переживших блокаду. Потом была тёплая звёздная ночь, и мы, незнакомые прежде люди, большой толпой ходили по улицам Ленинграда. Вспоминали пережитое, перебивая друг друга, рассказывали о себе, обменивались адресами. И снова, как в сорок втором году после того концерта я не могла уснуть, и как тридцать*

лет назад писала своему мужу, а тогда ещё просто другу письмо со своими впечатлениями о концерте».

Врезался в память, на одной из встреч рассказ Евгения Алексеевича Линда, переданный К.И. Элиасбергом. Много лет спустя со дня исторического концерта, два пожилых туриста из Германии, приехавшие в нашу страну, признавались Карлу Ильичу: «Мы были тогда офицерами вермахта, и когда стояли под Ленинградом на Вороньей горе поймали по радио эту музыку. Она поразила нас, и ничуть не меньше – её исполнение».

Встреча в 1992-ом, в год пятидесятилетия исполнения симфонии в Ленинграде, 8 сентября в зале Филармонии. Выступали оставшиеся в живых музыканты – исполнители того концерта. Из музея была доставлена дирижёрская палочка Элиасберга и вручена дирижёру Александру Дмитриеву. Запомнился спектакль, на премьере которого собрались музыканты (их было к тому времени всего шесть или восемь человек) и слушатели исторического концерта, спектакль «День Победы среди войны». Сценарий И. Гаручава и П. Хотяновского в постановке Ю.Е. Аксёновой. Премьера была в апреле 1985 года. У меня хранится программка с автографом артиста Игоря Дмитриева, сыгравшего роль дирижёра.

Да, действительно, это был день Победы среди войны. Почему, когда прошло уже восемьдесят лет мы возвращаемся и возвращаемся к этой теме? Думаю, наши дети и внуки нуждаются именно сегодня в примере гражданского долга и нравственного подвига. Научиться черпать силы из невозможного, падать обессиленному от голода и заставлять себя подняться, падать, но подниматься. Молодое поколение будет возвращаться к нашей живой памяти об этих людях. Подвиг оркестра. Музыка Победы, само исполнение в осаждённом городе симфонической музыки, навсегда вошло в историю как олицетворение стойкости духа.

Ярославль

*По радио дали тревоги отбой. / Пропел о покое знакомый гобой.
Окно раскрываю и ветер влетает, / И музыка с ветром. И я узнаю
Тебя, многострунную бурю твою,
Чайковского стон лебединый, — Шестая,
По-русски простая, по-русски святая,
Как Родины голос, не смолкший в бою.*

Н. Крандиевская-Толстая